

ОФОРМЛЕНИЕ «КАЗАЧЬЕГО СОСЛОВИЯ» ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II: ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ (1762–1775)

В.И. Мильчев

Аннотация. В первой половине XVIII в. властями Российской империи был осуществлен ряд реформ в отношении казачьих войск. В основном, они были направлены на создание из казаков замкнутой социальной группы, способной к приращению природным путем, члены которой несли бы пограничную службу. Императрица Екатерина II не только последовательно продолжила политику своих предшественников в данном направлении, но и совершила попытку законодательно оформить статус казачества — в рамках Уложенной комиссии 1767–1769 гг. Различные понимания статуса казачества со стороны, собственно, казаков и правительства не позволили достичь консенсуса. Это стало причиной мятежей в казачьих областях: в Запорожье, на Дону и Яике в 1768–1774 гг. В условиях очередной русско-турецкой войны правительство в жесткой форме подавило их и взяло под контроль окраины империи. В результате этого Запорожское войско было ликвидировано (1775), Яицкое войско усмирено (1772, 1774), а Войско Донское заключено под столь сильный контроль (1775), что впредь стало служить шаблоном для реформирования всех прочих казачьих войск.

Ключевые слова: казацьи войска, XVIII век, Екатерина II, реформы, Уложенная комиссия, Войско Донское, Войско Запорожское Низовое, Яицкое войско.

Мильчев Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Центра исследования регионов «Волга-Днепр» при Министерстве образования Китая, Аньхойский педагогический университет, г. Уху (КНР), ул. Цзюхуанан, 189, vladmilchev@ukr.net.

ESTABLISHMENT OF THE “COSSACK ESTATE” UNDER CATHERINE II: ACT ONE (1762–1775)

V.I. Milchev

Abstract. During the first half of the XVIII century, the authorities of the Russian Empire carried out a number of reforms in relation to the Cossack Host. Basically, they were aimed at creating a closed social group of Cossacks, capable of incrementing by natural means, whose members would carry the border service. The Empress Catherine II not only consistently continued the policy of her predecessors in that direction, but also made an attempt to codify the Cossacks status within the framework of the 1767–1769 Legislative Commission. Different understandings of the Cossack status did not allow consensus to be reached. This caused rebellions in the Cossack regions of Zaporozhye, Don and Yaik in 1768–1774. During the next Russian-Turkish war, the government suppressed them and took control of the outskirts of the Empire. As a result, the Zaporozhian Host was eliminated (1775), the Yaik Host was pacified (1772, 1774), and the Don Host was placed under such strong control (1775) that it served as a template for reforming all other Cossack Hosts.

Keywords: Cossack Host, XVIII century, Catherine II, reforms, Legislative Commission, Don Host, Zaporozhian Host, Yaik Host.

Ранние годы правления Екатерины II следует соотносить во времени с переломным этапом в жизни всех казачьих сообществ Российской империи, когда в результате целенаправленной унификаторской политики казацкие Войска утратили, во многих случаях едва наметившиеся, черты пред-государственности, была ликвидирована автономия казачьей Гетманщины (Малороссии), нивелировано устройство Слободских полков. Реформы были направлены на превращение населения казачьих земель в замкнутую социальную группу, которая должна была окончательно интегрироваться в правовое пространство единого государства, исполняя военно-служилую функцию. Кроме того, их идеологическое обоснование коренилось в видении оптимального социального устройства государства как «сословного», т.е. состоящего из социальных групп, каждая из которых имеет строго очерченное положение в его иерархической структуре, в соответствии с закрепленными за ней правами, обязанностями и привилегиями.

В данном исследовании мы сосредоточим внимание на изменениях, произошедших в жизни той части казачества Российской империи, которая входила в состав соответствующих Войск – Донского (ВД), Яицкого (ЯВ), Запорожского Низового (ВЗН) и пр. Невзирая на то, что унификаторская политика центральной власти в отношении каждого из них имела свою специфику, основные ее подходы были общими для всех, что и позволяет рассматривать проблему в комплексе, но, естественно, вычленивая при этом составные.

Аналогичным путем продвигаются и ученые, занимающиеся изучением истории взаимоотношения казачьих окраин империи с центральной властью в екатерининское время. Среди работ последних 10–15 лет следует упомянуть публикацию коллектива ростовских авторов, под общей редакцией А.В. Венкова, в которой рассматривается политика Екатерины II в отношении ВД [История..., 2008, с. 114, 116–117]. Аналогичные вопросы, но касающиеся яицкого казачества, были успешно изучены исследовательницей из Самары О.Г. Мерзлякиной [Мерзлякина, 2007, с. 80, 87, 91–93, 104, 118–141]. На поприще изучения социальной политики империи третьей четверти XVIII в. в отношении украинских казачьих земель (Гетманщина и ВЗН) выступили москвичка Т.А. Круглова [Круглова, 2017, с. 3–30] и запорожско-ростовский исследовательский тандем [Мильчев, Сень, 2018, с. 391–396]. Заметный вклад в изучение проблемы внес австрийский ученый А. Каппелер, рассматривающий политику Российской империи XVIII в., применительно к казачеству, в контексте фронтирной теории [Каппелер, 2003, с. 59–63].

Кроме уже имеющихся историографических наработок по теме, в основу данной статьи положены документальные и нарративные источники, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. К таким относятся, в первую очередь, собрания РГАДА (ф. 6, 13, 15, 20, 248, 342) и РГВИА (ф. 13, 20, 23, 52). Также широко были использованы акты, опубликованные в свое время в ПСЗРИ и изданиях документов по истории ВД и ВЗН. Информационный потенциал актуализированного комплекса источников позволил реконструировать обстоятельства и ход первого этапа структурирования правительством Екатерины II «казачьего сословия» на базе казацких войск империи.

Во многом реформирование казачества, направленное на его оформление в качестве самостоятельного сословия, стало результатом не только действий императрицы и ее окружения, но и было предопределено серией последовательных преобразований ее предшественников. Из них наибольшей радикальностью мер, предпринятых в отношении казачества, отличился Петр I, которым в первом десятилетии XVIII в. были жестко усмирены антиправительственные мятежи и восстания запорожского и донского казачества в 1707–1709 гг. При этом запорожцы перешли под двойной крымско-османский протекторат (1709/1711–1734), а Донское, Яицкое и Гребенское войска были подчинены Военной коллегии (1721) и начали вовлекаться в систему постоянного участия в военно-политических акциях государства. Правильным будет считать, что именно тогда, в первой четверти XVIII в., у правительства вывели планы «разбора» многочисленных категорий населения пограничья.

Последующий период, с 1730-х по 1740-е гг. стал временем, когда правительственными структурами Российской империи предпринимались системные и жесткие меры, направленные на сокращение оттока податного населения с территории внутренних губерний Великороссии и украинских казацких полков (гетманских и слободских) на земли казачьих войск.

Следует заметить, что по сравнению с другими казачьими войсками Российской империи, запорожцы были втянуты в процессы правительственного реформирования достаточно поздно. Определенный «иммунитет» от реформирования подобно другим казачьим войскам, ВЗН получило в связи с тем, что в декабре 1737 г. оно не было, вместе со всеми прочими, включено во вновь составленный штат Военной Коллегии, а передано в ведение Коллегии иностранных дел [РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 31, л. 368].

Не будет преувеличением сказать, что в наибольшей мере подобное «взнуздывание» ощущалось на Дону. Старшины и рядовое казачество ВД, руководствуясь собственными прагматичными мотивами, пытались не допустить прекращения притока новых поселенцев. Соккрытие реальных годов прихода на Дон и переселение в новые казачьи области были самыми распространенными из мер. Апогеем борьбы правительства с укрывательством беглых на Дону стал сентябрь 1743 г., когда атаман Даниил Ефремов был в срочном порядке вызван в Москву для ведения следствия над ним. Обвинение было весьма серьезным: самовольное начало строительства каменной крепости в Черкасске и возведение мельницы для производства пороха. Следствие вела специально созданная комиссия Военной коллегии. К уже имеющимся винам было добавлено принятие на поселение 500 семей беглецов из Слободской Украины. По указу императрицы Елизаветы Петровны от 28.09.1743 г. Д.Е. Ефремов и некоторые другие высшие старшины были приговорены к смерти. Правда, тут же им объявили монаршее прощение — суд и приговор задумывались как показательно-воспитательное действо, призванные не только упредить возможность потенциальных бунтов, но и прекратить тайное укрывательство на Дону всех «неуказных» [РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 54, ч. 1, л. 41, 43–44].

Очевидно, что «урок пошел впрок» – после описанных событий, в конце 1743 г. был даже введен институт «нарочных старшин», которые возглавляли команду из казаков, занимающуюся выявлением, поимкой и высылкой беглых с Дона [Пронштейн, 1961, с. 270]. По более поздним данным (1761), она осуществляла действия полицейского характера и насчитывала 348 казаков (2% от общего количества ВД – 17161 строевых казаков и старшин) [РГВИА, ф. 13, оп.1, д. 100, л. 243]. Таким образом, общим направлением политики всех российских монархов, царствовавших во времени от Петра I до Екатерины II стало подчинение всех сторон жизни и устройства казачьих окраин сообразно государственных интересов.

За год до воцарения Екатерины II, весной 1761 г., согласно сведений Военной коллегии, численность основных казачьих войск империи составляла: ВД – 17209; ЯВ – 3196; Волжское – 1012; Гребенское – 469; Терское – 532 чел. Казачьи полки и команды, приписанные к крепостям и линиям были еще более малочисленны – 100–300 служащих [РГВИА, ф. 13, оп. 1, д. 141, ч. 2, л. 138–140, 225–227, 243, 265–278, 296–312, 380–384]. Подсчитать точную численность ВЗН, находившегося в ведении Коллегии иностранных дел, вообще не представлялось возможным: согласно присяжных списков, составленных по случаю воцарения Петра III, в 1762 г., присягнуло 3704 чел., в то время как из других источников известно, что на Запорожье пребывало в 3–3,5 раза больше казаков [Присяга, 2015, с. 15].

Шаги к упорядочению сословного устройства казачьих областей империи, по крайней мере, на стадии проектов, имели место уже в первые месяцы воцарения Екатерины II, причем исходили они от ее ближайшего окружения. Так, сентябрем 1762 г. датировано представление гетмана К.Г. Разумовского с предложением уравнивать чины малороссийской казачьей старшины с «Табелью о рангах». После всестороннего рассмотрения оно было отклонено из-за: 1) характера получения старшинства в Гетманщине (часто наследственного, без реальных заслуг); 2) потенциально высоких финансовых расходов [Круглова, 2017, с. 9, 11, 18, 27–28]. В случае позитивного решения данного вопроса, перспективы награждения армейскими чинами стали бы реальными и для старшин ВЗН, большинство которых по получению абшитов поселялись на территории казачьих полков и получали тамешние старшинские звания.

К тому же времени относятся и попытки реформирования казачьих войск империи – генерал-фельдмаршал гр. П.С. Салтыков предложил к рассмотрению императрицы свои «Мнения» в отношении реорганизации русской армии. В частности, пункте пятом его текста – «О казаках донских, чугуевских и прочих и о их содержании» – предусматривалась оптимизация расходов на их обеспечение ресурсов [РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 228, л. 1об.].

Представление о том, насколько фрагментарными были представления правительства о реальном положении казачьих общин на окраинах империи, дает нам «Экстрактная» записка, составленная Военной коллегией по требованию Правящего Сената. Время ее создания – 1765 г. – наводит на мысль о том, что появление этого документа было связано с подготовкой к открытию

Законодательной (Уложенной) комиссии в 1766 г. Его создание имело целью наилучшим образом ознакомить сенаторов с проблемой. В самом сокращенном виде, на основании отысканных документов прошлых лет, здесь излагалась история отдельных казачьих войск и групп, описывалось их общее состояние (численность, земли, привилегии и др.). Согласно «Экстракта», все казаки империи, находящиеся в подчинении Военной коллегии принадлежали к: 1) Войскам – Донскому, Яицкому, Волгскому, Оренбургскому, Гребенскому и Терскому; 2) казачьим полкам и «компаниям», приписанным к определенным крепостям – Азову, Астрахани, Хопру, Чугуеву; местностям – сакмарские и илецкие; укрепленным линиям – сибирские. Денежное и хлебное жалованье все эти казаки получали только в случае их командировок (станций) или участия в войнах, в остальное время удовлетворяясь плодами эксплуатации пожалованных им земель и водоемов – хлебопашеством, винокурением, разведением скота и рыбной ловлей, добычей соли (в каждом случае указывались даты выдачи привилегий на тот или другой вид деятельности). С подтверждением прав на собственные войсковые земли, как правило возникали заминки: в наиболее выгодном положении находились недавно созданные группы, поселенные на своих местах в первой половине века, в процессе упорядочения пограничья во времена Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны; «исторические» казаки войска (прежде всего ВД и ЯВ) никакими официальными документами не располагали, ссылаясь лишь на якобы имевшиеся прежде жалованные грамоты первого из Романовых – Михаила Федоровича, которые сгнули в огне пожаров. Именно поэтому конфигурация занимаемых ими земель легко могла стать предметом дискуссий и покушений со стороны государства и частных владельцев [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 501, л. 8–14об.].

Отсутствие в «экстракте» данных об ВЗН объяснялось тем, что оно никогда не подчинялось Военной коллегии. Отметим, также, что информация, собранная в данном «Экстракте», очевидно была сочтена неполной «в целом», поскольку тремя годами позже – в 1768 г., обер-прокурор Сената А.А. Вяземский вторично истребовал из Военной коллегии сведения обо всех казачьих войсках для Уложенной комиссии [Опись, 1899, с. 194].

Действия правительства не ограничивались лишь изучением статус-кво казачества. Так, в подтверждение ранее изданных высочайших указов ее предшественников, 10.03.1765 г. появился указ императрицы воспрещающий всем нерегулярным (т.е. казачьим) войскам империи принимать и держать на своих землях беглых [ПСЗРИ, 1830, т. XVII, с. 86]. Вместе с тем, следствием политики «закручивания гаек» в отношении донского казачества стали непрекращающиеся побеги на Северный Кавказ: августом 1766 г. датированы сведения об уходе, вместе с семьями, казаков Верхне-Каргальской станицы на Кубань в «Черные леса» [РГАДА, ф. 15, оп.1, д. 149, л. 17–18].

Довольно болезненно и нервно воспринималось казачеством хроническое недофинансирование. Невзирая на весьма скромные суммы, необходимые для обеспечения провиантом, а также порохом и свинцом, трех наибольших из

казацких войск – Донского, Запорожского и Яицкого в среднем по 8–10 тыс. руб. в год, в течение 1766–1768 гг. имели место их задержки по году-полтора. Наиболее уязвимой категорией при этом становились казаки, содержащие форпостную службу на границах или же командированные на различные укрепленные линии [ПСЗРИ, 1830, т. XVIII, с. 705–706].

Также был запущен процесс перевода всех казаков с исторических на реальные границы государства. Утрата, на протяжении второй четверти XVIII в., Царицынской укрепленной линией не только *по*, но даже и *при*-граничного положения поставила к началу 1760-х гг. на повестку дня вопрос о переводе поселенного на ней в 1730 г. Волжского казачьего войска (6 станиц, около 1000 строевых казаков) на Кавказ. Подготовительная работа, проведенная на протяжении 1763–1770 гг., завершилась его частичным переводом на р. Куму в 1770–1771 гг., для охраны путей, ведущих к Кизлярской крепости [РГВИА, ф. 23, оп.1/121, д. 936, л. 18, 22–26, 38]. Переселение волжцев растянулось во времени, окончательно завершившись лишь в 1777 г. [Курышев, 2011, с. 181–190].

Во избежание распространения традиционных казачьих практик свободного заема земли, в новозаселяемых местах, как например в Сибири, правительство берет под контроль их землепользование. Характерным примером может послужить Иртышская линия. Учитывая тот факт, что в первой половине XVIII в. на ней служили, по большей части, командированные донские и яицкие казаки, правительство выделяло для обеспечения их продовольствием земли, которые обрабатывали не они сами, а государственные крестьяне, вместо внесения части или всей суммы подушных денег. 27.03.1767 г. Сенатом было постановлено наделить всех линейных казаков землей, из расчета по 6 дес. на мужчину. Это должно было сократить нагрузку на казну Сибирской губернии и окончательно привязать казаков к охраняемой ими территории. Отвод земли контролировала губернская межевая контора, а умеренное ее количество должно было оградить казаков от соблазна принимать на поселение беглых, чтобы те обрабатывали им излишние площади [ПСЗРИ, 1830, т. XIX, с. 744–745].

При этом правительство старалось преумножить казачье население Сибири за счет не только плановых переселений с Дона и Яика, но даже и за счет ссыльных. Как видно из рапорта главного командира войск в Сибири генерал-майора И.И. Шпрингера в Военную коллегию от 19.01.1770 г., он не только приписал 138 запорожских казаков, сосланных за участие в гайдамацком восстании 1768 г. – Колиивщине, к гарнизонам крепостей сибирских укрепленных линий безо всякого ущемления в правах, но и с материальной помощью на обзаведение амуницией и хозяйством [РГВИА, ф. 13, оп. 1, д. 131, л. 46–46об., 47].

Наиболее полно попытки реализации официального видения возможного структурирования общества империи, в т.ч. и фиксации в нем сословных границ казачества, проявились именно во время работы Уложенной Комиссии 1767–1769 (1774) гг. Комиссия, созванная манифестом императрицы Екатерины II в от

14.12.1766 г., для разработки проекта нового общеимперского кодекса законов представляла собой попытку прямого диалога государственной власти с региональными и локальными сообществами государства, в т.ч. и казачьими. В процессе работы Законодательной Комиссии были разработаны проекты, которые в дальнейшем должны регламентировать права всех подданных, а также узаконить их распределение «по состояниям». Все эти проекты неоднократно менялись, дополнялись, имели по несколько редакций текстов. Согласно окончательным из них, все российские подданные должны были принадлежать к трем «родам людей» – высшему, среднегому и низшему. Верхушку общества, его первый, «высший род» должны были составлять люди «благородные». К так называемому «среднему роду» (второму) людей предлагалось отнести три категории: 1) ученых, художников и священнослужителей («упражняющиеся в науках и службах»); 2) купцов, фабрикантов, мореплавателей и владельцев судов («торгующие»); 3) ремесленников, мещан и освобожденных крепостных («упражняющиеся в разных приличных мещанству работах»). И, наконец, третий, «нижний род» людей составляли земледельцы (однодворцы и другие люди «старых служб»; иностранные колонисты; черносошные, экономические, дворцовые и заводские крестьяне, государственные крестьяне; ямщики; крепостные) и кочевники (также ясачные инородцы) [РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 220, ч. 1, л. 62–62об., 267об., 370].

Вопрос о том, где же здесь место казачества, видимо, был непонятен не только для депутатов Комиссии от казачьего населения империи, но и ее высокопоставленным «дирижерам». В конце концов, попытка определиться с их местом в социальной структуре государства была осуществлена, разработкой «Проекта законов в правах войск казачьих» [РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 220, ч. 1, л. 413–427, 428–442].

Опираясь на проведенный анализ текста «Наказа» Комиссии от ВЗН, датированного 24 июля 1767 г., можно утверждать, что в целом, основы собственной «социальной политики» ВЗН к началу работы Законодательной Комиссии, т.е. видение его руководством и массами в целом, перспектив своего дальнейшего развития в рамках общественного строя Российской империи, были не менее расплывчатыми [РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 105, л. 477–490]. Из десяти пунктов приказа лишь один – под номером 8-м, касался пожеланий ВЗН касательно правовых основ притока новых членов и пребывания под юрисдикцией Запорожья всех отставных казаков [РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 105, л. 485об.]. И то, решение этой проблемы было увязано со злободневными для ВЗН территориальными спорами с Новороссийской губернией.

Формулируя ряд своих пожеланий, а фактически претензий к правительству, которые в основном касались решения территориальных споров, денежного обращения с внутренними губерниями и заграницей, ВЗН было достаточно далеким от истинного понимания того, какие именно «казачьи вопросы» должны были обсуждаться во время работы Комиссии. А обсуждаться должны были проекты, которые легли бы в основание будущего общественного устройства государства. Видение этого будущего властью и запорожцами в корне отличалось. В чем

же? Лучше всего диаметрально противоположность самооценки и внешних характеристик заметна на примере традиционных ментальных представлений о природе казачества.

В воображении запорожского казачества, отдельные группы тогдашнего общества принадлежали к «духовному, рыцарскому и посполитому сословию» [РГАВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 14, л. 46]. Сами запорожцы считали, что казачество должно было почитаться состоянием «рыцарским», то есть благородным. Представление о благородной сущности казачества у запорожцев имело давнее происхождение: так, в переписке с казачьими гетманами и атаманами в первой половине XVII в. высшие лица Речи Посполитой признавали, что «шляхта и казаки одной поваги», поскольку кровью и мечом защищают отчизну [Каманин, 1894, с. 55].

Осознание исторической миссии ВЗН, его роли и места в жизни общества, в характеристиках самой запорожской старшины таковы — они никто иные как защитники всего христианского мира от «неверных». Показательно, что подобные мысли встречаем в высказываниях разных запорожских чиновников. Так, войсковой судья Николай Касап в своем письме от 29.09.1772 г., адресованном командиру Днепровской линии генерал-майору В.А. Черткову, оспаривая захват запорожских земель, акцентировал недопустимость этого «по знатым сего Войска заслугам которыми завжде великие бусурманские погромляючи силы гордое их прагнение на кровь христианскую до конца затлумили и набеги их татарские грудмы своими сперлы» [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 95, ч. 3, л. 222об.–223].

В свою очередь, представители российского дворянства, прежде всего, его верхушка, весьма скептически созерцали попытки запорожских депутатов добиться коллективной нобилитации всех казаков ВЗН. В их представлении запорожцы были сборищем обычных, самовольно отлучившихся казаков и крестьян, промышляющих рыбной ловлей, разведением скота и не гнушающихся грабежом соседей (гайдамачеством). Так в одном из донесений императрице за 1765 г. год президент Малороссийской коллегии П.А. Румянцев дает негативную характеристику военному писарю Глобе, который был «образом не рыцарства, а разбойничества, как лутчим к достижению богатства, ...весьма пленен...» [РГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 76, л. 5об.]. А его современник, генерал-майор К.Ф. фон Штофельн, в своем плане реформирования ВЗН, представленного на рассмотрение императрицы в марте 1765 г., попрекал запорожцев тем, что главным занятием для них является вовсе не воинская служба государству, а разведение и последующая продажа скота: «их тысяч до четырнадцати прасолов, ...а на лошадь возъоруженных едва четири тысячи сядут» [РГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 78, л. 5]. Одним словом, претензии ВЗН на коллективное «благородство» ни при каких обстоятельствах не могли увенчаться успехом.

Несмотря на то, что действие этого «проекта» не было внедрено по отношению к ВЗН, до конца его исторического существования, несомненно, именно он произвел огромное влияние на дальнейший ход событий, поскольку не только

продемонстрировал руководству Войска дальнейшие печальные перспективы принудительного изменения традиционного уклада жизни, но и подтолкнул его к решительным действиям по укреплению собственных позиций в регионе. Одним из крупнейших раздражителей при этом было то, что законодатели нашли, наконец, куда же, к какому из «родов» им отнести казачество. Как того и следовало ожидать, им стал самый унижительный для «рыцарского» достоинства третий, низший род. Депутат в Комиссии от ВЗН, Мусий Скапа по этому поводу сделал представление в подкомиссии, которая работала над заключением свода прав благородных, требуя вывести Войско (целиком!) из «третьего» в «первый» род. Отмечалось исключительное положение запорожцев, их древность и то, что Войско «всегда в числе дворянства, а не черносошных, пребывало» [Флоровский, 1912, с. 27].

Хотя воплощение упоминавшегося «Проекта» и было отложено на несколько лет, недовольство широких слоев казачьих сообществ запланированным реформированием и будущим статусом войск, все же стало питательной средой для зарождения и вызревания нескольких бунтов/восстаний, которые всколыхнули казацкие окраины Российской империи в начале 1770-х гг. Своеобразной лакмусовой бумажкой этого недовольства может служить тот факт, что в Комиссии для составления Нового Уложения от Оренбургского войска участвовали 2 депутата – сотник Падуров и Харитон Самсонов. Именно Падуров впоследствии присоединился к Пугачеву и стал заведовать его канцелярией [Авдеев, 1904, с. 173–174].

Лучше всего неспособность правительства услышать голос казачества, а последнего – и понять изменившиеся конъюнктуры, можно проследить на примере яицких казаков. Планы правительства по реформированию Яицкого войска вызревали длительное время – еще в 1748 г. оренбургский губернатор И.И. Неплюев подал на рассмотрение Военной Коллегии проект изменения устройства ЯВ по образцу ВД [РГВИА, ф. 13, оп. 1, д. 141, ч. 2, л. 2]. Главной задачей российские чиновники считали прекращение практик общевоинских кругов (советов) у яиццев. Запрет их проведения в 1763 г., хотя и упорядочил выборы войсковых атаманов, позволив правительству «ставить» свои креатуры, однако привел к узурпации власти в войске старшинской олигархией и расколу его на две части [РГВИА, ф. 13, оп. 1, д. 141, ч. 2, л. 44].

Зародыш будущего конфликта на Яике сформировался к началу 1760-х гг. и был связан с присвоением старшинами лучших мест для рыбной ловли на реке и ее притоках, поборами, возлагаемыми ими на рядовых казаков, и принуждением к отбытию воинских командировок вне очереди. Вследствие этого вынуждено было вмешаться правительство: 31.12.1770 г., согласно указу императрицы, на Яик было командирован капитан лейб-гвардии С.Д. Дурново, который должен заведовать комиссией по расследованию злоупотреблений. Порядок пользования угодьями для рыбного промысла, который был разработан им, должен был успокоить «голотву» [РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 505, л. 2–2об., 3].

Отметим, что снижение недовольства рядового казачества действиями старшин не разрешило бы проблему в целом – Яик тяготился «переформатированием» старого

казацкого образа жизни, а потому бунты повторились. Сделанное войсковым старшиной Бородиным «Описание мятежа происходившаго в Войске Яицком в 1772 и 1773 годах», показывает, что как «старшие», так и «младшие» казаки тяготились исправлением «казацкой службы» в ее правительственном понимании. Владение богатейшими речными и земельными угодьями позволяло даже «голутовеной» казацкой семье получать до 200 руб. прибыли в год: огромное количество беглецов, которые находились на сезонных рыболовецких промыслах (до 2 000 чел. каждое лето, против 8 000 казаков действительной службы) обеспечивали их дешевой рабочей силой. Понятно, что отправки команд для несения службы на кавказских и сибирских укрепленных линиях были обременительны, а, посему, и не особо желанны. Затруднял диалог с центральной властью и религиозный вопрос – большинство яикцев были старообрядцами [РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 505, л. 3, 36–36об.].

Все это подготовило почву для восстания, которое произошло 13.01.1772 г. в административном центре ЯВ – Яицком городке. Его причиной стало прибытие генерал-майора М.М. фон Траубенберга для проведения следствия по делу о пропуске ЯВ калмыков, ушедших в Джунгарию. Поскольку последующие события хорошо описаны [Рознер, 1966, с. 110–185], то мы воздержимся от их изложения, указав лишь, что одним из главных лидеров восстания – «при походе и сражении первым предводителем был» – стал священник Петропавловской церкви Михаил Васильев (естественно, что этот «неудобный» факт ретушировался советской историографией) [РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 505, л. 9–12об.].

После подавления выступлений яицких казаков Военной коллегией был разработан проект реформирования ЯВ. Он базировался на представлениях бывшего и нынешнего оренбургских губернаторов – как на более раннем проекте тайного советника И.И. Неплюева 1748 г., так и на предложениях генерал-поручика И.А. Рейнсдорфа – и был представлен на рассмотрение императрице 07.03.1773 г. Согласно предложенных пунктов предполагалось: 1) вместо упраздненных войсковых круга и канцелярии учреждалась Яицкая комендантская канцелярия, во главе с кадровым офицером, в компетенции которой находилось решение внутренних войсковых вопросов; 2) все ЯВ разделить на 8 полков, с добавлением по 1 полку от приписанных илецких и сакмарских казаков (всего 10, по 500 казаков каждый), с именованьем по порядковым номерам и комплектовать их за счет имеющихся казаков и их детей, начиная с 17-летнего возраста; 3) обязать все полки поочередно нести форпостную службу, а во время пребывания в домах – заниматься экзерцицией; 4) запретить присылку депутатов (станиц) в столицу за жалованием, а раздавать его на месте; 5) обмундирование (обычное казацкое, с различием полков по цветам нашивок и обшлагов), вооружение (ружье, пика, 2 пистолета) и лошадей (не меньше 1) содержать за свой счет; 6) позволить ЯВ заниматься рыбным и звероловным промыслами для содержания себя и отправления службы, но лишить права винокурения (в виде наказания за бунт), введя на его территории откупа; 7) обязать ЯВ присылкой ежемесячных рапортов о собственном состоянии, а оренбургскому губернатору вменить контроль над ним и представление дальнейших

представлений касательно успешности реформирования [РГВИА, ф. 13, оп. 1, д. 141, ч. 2, л. 2–7].

Доклад был в общих чертах утвержден императрицей и стал претворяться в жизнь, что, в свою очередь, вызвало еще большее недовольство той части яицкого казачества, которая приняла активное участие в волнениях 1772–1773 гг. Неразрешенность внутренних проблем яицкого казачества стала основной причиной того, что именно «голутвенные» яикцы составили ядро (200–300 чел.) начального этапа Пугачевщины (при том, что последняя по своему характеру и масштабам не может трактоваться исключительно только как казачий мятеж, имея также характерные черты «крестьянской войны»). Данный факт не остался незамеченным и официальной стороной — см. «Описание происхождения дел и сокрушения злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева» в «Манифесте» Екатерины II от 19.12.1774 г. и «Сентенцию» о его казни от 10.01.1775 г. [ПСЗРИ, 1830, т. XIX, с. 1065–1066; ПСЗРИ, 1830, т. XX, с. 23–3, 8–10]. Переименованием Яицкого войска в Уральское, согласно именного указа императрицы Военной коллегии от 15.01.1775 г., завершилась ритуальная «казнь» не только всех его казаков, причастных к Пугачевщине, но и всего «старого Яика» [РГВИА, ф. 13, оп. 1, д. 141, ч. 2, л. 32–32об., 35]. На очереди стояло Запорожье.

Как уже было сказано, несмотря на самую детальную разработку проекта закона о правах казачьих войск, на практике его воплощения не случилось. Правительство успел сделать лишь несколько шагов в направлении его реализации. Так, 20.12.1768 г. Екатериной II был подписан указ Малороссийской коллегии, согласно которому все казачьи войска, находившиеся в ведомстве этой коллегии (речь шла о ВЗН, поскольку других войск не было), а также казачьи полки упраздненной Малороссии (Гетманщины), должны были в гражданской части руководствоваться и судиться согласно «малороссийских прав и уставов», а во всех делах подлежащих воинской части — подпадали под действие «Военного устава» и «Военного артикула». Предполагалось внедрение в действие этих положений уже с 1769 г., однако обстоятельства военного времени отложили реализацию указа на более поздний срок — до окончания войны с Османской империей [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 311, л. 126–126об.; ПСЗРИ, 1830, т. XVIII, с. 786].

Очередная русско-турецкая война, начавшаяся вследствие пограничного инцидента в турецком местечке Голтва, сожженном отрядом запорожских казаков в конце июня 1768 г., в значительной степени повысила градус напряженности в отношениях трех крупнейших казачьих империи — ВЗН, ВД и ЯВ — с центральной властью.

Хотя запорожские «своевольцы», а, вернее, неподконтрольные администрации ВЗН гайдамаки и были особо отмечены правительством, как одна из причин начавшейся в 1768 г. очередной войны с Османской империей (манифест о ее объявлении от 18.11.1768 г.), репрессий против старшинской верхушки не последовало, поскольку империя нуждалась в военной службе сечевиков [ПСЗРИ, 1830, т. XVIII, с. 762]. Уже в конце октября — начале ноября 1768 г. киевский

генерал-губернатор П.А. Румянцев, назначенный командующим Второй армии, несколько раз приказывал кошевому атаману П.И. Калнышевскому привести ВЗН в полную готовность для отражения нападений турецко-крымского войска. Однако Запорожье оказалось не подготовленным к войне: если старшины Войска были готовы выполнять предписания, то «серома», среди которой был реанимирована идея ухода под турецкую или крымскую руку, 26–27.12.1768 г. подняла на Сечи бунт [РГАДА, ф. 13, оп. 1, д. 76, л. 127–127об.]. Отметим параллельно, что идея ухода «в неверную сторону», как правило, или предшествовала или сопутствовала большинству казачьих антиправительственных выступлений XVIII в.: тот же Е.И. Пугачев в ноябре 1772 г. прельщал ЯВ уходом в «турецкие» владения на р. Лабу, точно так же, как несколькими месяцами ранее — в январе, соблазнял перспективами аналогичного ухода казаков Терского семейного войска [РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 413, л. 1–3].

Беспорядки, вылившиеся в погромы лояльных правительству казаков и отказ от участия в мобилизации, имели место не только на самой Сечи, но и в других крупных поселениях ВЗН. В результате его боеспособность была подорвана, и оно не смогло защитить как собственные владения, так и отразить набеги крымского войска на Елисаветградскую и Бахмутскую провинции в декабре 1768 г. – январе 1769 г. [Голобуцкий, 1957, с. 409–413]. Именно бездействие ВЗН в самом начале войны позже была использована как обоснование для ликвидации Сечи: «известия войскам нашим не подали они о приближении к границам тогдашнего крымского хана, ниже ему в походе, сколько ниестъ препятствовали» [ПСЗРИ, 1830, т. XX, с. 193].

Не меньшие проблемы, в «держании фронта» против крымцев, создали и другие иррегулярные войска. Так, в конце августа 1769 г. калмыцкие отряды, стоявшие линией на водоразделе рек Берды, Конской и Каратыш (т.е. вдоль российско-турецкой границы по условиям Белградского мира 1739 г. и последующих разграничений 1740–1741 гг.) снялись и ушли на р. Кальмиус и далее за Дон, обнажив тем самым путь для крымских войск, чем те незамедлительно воспользовались, проникнув вглубь левобережной территории Запорожья, до р. Самары включительно. Поскольку основные силы запорожцев в это время находились под Очаковым, генералитет затребовал у ВД экстренной присылки 7 000 казаков на замену сбежавшим калмыкам. Подкрепление так и не прибыло из-за проволочек войскового атамана С.Д. Ефремова, который не только не захотел отпустить нужное количество казаков с Дона, но и приказал трем тысячам донцов, пребывавших при 2-ой армии, вернуться на зиму домой. Тем самым безопасность войсковых земель была сочтена им превыше интересов империи в целом. Это, вкпе с дозволением калмыкам беспрепятственно пройти весь Дон, а также с рядом других провинностей — приемом беглых, манипуляций с денежными суммами и пр. — явилось государственным преступлением и повлекло за собой арест Ефремова в октябре 1772 г. [Грибовский 2016, с. 77–81]. Последнее событие вызвало выступление донских казаков в Черкасске против присланного из столицы для «комиссии» и замещения Ефремова генерал-майора Г.П. Черепова, вошедшее в историю под названием «Череповского бунта» [Карасев, 2002, 22 сентября, с. 2–3].

Следствие над ним велось на протяжении 1772–1774 г., вначале в крепости Св. Димитрия Ростовского, а с начала 1773 г. – в столице. Часть казаков во главе с войсковыми старшинами даже прибегли к демонстрации военной силы, в немалом числе явившись к крепости в декабре 1772 г., с целью оказать психологическое давление на комиссию. Этот демарш хотя и не повлек за собой освобождения Ефремова, но и не стал причиной наказания для участников. По обстоятельствам военного времени все они были помилованы высочайшей грамотой от 23.01.1773 г., а по случаю заключения мира с турками, в июне 1774 г., были прекращены вообще все начатые дела в отношении ВД. Сосланный в крепость Пернов на Балтике (ныне г. Пярну, Эстония) атаман пробыл в опале до 1778 г. – 30.04., согласно с ордером князя Г.А. Потемкина, ему позволено было жить в Таганроге, поблизости от родных мест [Акты, 2002, с. 3–4, 88]. Туда он, впрочем, так и не попал, будучи удержан в Санкт-Петербурге, где скончался и был погребен в Александро-Невской Лавре в марте 1784 г. [Карасев, 2002, 24 сентября, с. 3].

Велики были и «прегрешения» яицкого казачества. К началу 1760-х гг. основной задачей Яицкого войска, расположившегося своими селениями вдоль реки, была уже не столько охрана границы государства со стороны Казахского ханства, сколько недопущение откочевок российских подданных – калмыков – на восток (фактически, их бегства из империи). С этой задачей ЯВ и не справилось в 1771 г., когда его руководство не только не воспрепятствовало калмыкам Убаши-хана перейти Яик, но, по некоторым имеющимся сведениям, даже получило за это материальное вознаграждение. При этом до 200 яицких казаков присоединились к кочевникам и ушли вместе с ними в Джунгарию. Последовавшие вскоре восстание в Гурьеве и Пугачевщина 1772–1774 гг. окончательно разбалансировали систему охраны, представив ЯВ в глазах центральной власти полностью несостоятельным [Грибовский, 2015, с. 60].

Непрекращающиеся поземельные споры ВД и ВЗН, а также затяжной земельный конфликт последнего с поселенцами Новороссийской губернии стали причиной того, что Правительствующий Сенат потребовал, чтобы оба Войска предоставили ему все имеющиеся документальные подтверждения прав на свои владения [Опись, 1899, с. 208]. Конфликт был разрешен в пользу ВД, а само ВЗН вскоре (июнь 1775 г.) упразднено, с последующей (03.08.1775 г.) публикацией «Манифеста об уничтожении Запорожской Сечи», т.е. ВЗН [ПСЗРИ, 1830, т. XX, с. 190–193]. Поскольку главные перипетии подготовки и реализации правительством ликвидации Сечи были изложены в нашей недавней публикации, мы отсылаем читателя к ней [Мильчев, Сень, 2018, с. 385–402].

Таким образом, своеобразной чертой первого акта в процессе упорядочения правительством Екатерины II казачьего сословия может служить 1775 г., в котором ВД, реформированное раньше других, стало образцом для унификации всех остальных казачьих войск империи. В марте 1775 г. все старшины этого войска, которые участвовали в войне с турками и польскими конфедератами, получили армейские чины и, соответственно, могли претендовать на получение ими личного дворянства. Именно это дало импульс к формированию в среде донского

казачества дворянской прослойки, при одновременном сохранении ее членами принадлежности к казачьему сословию [Савелов, 1902, с. 10, 27, 64, 104, 118]. 14.02.1775 г. императрицей был утвержден доклад вице-президента Военной Коллегии Г.А. Потемкина об учреждении Гражданского правительства на землях ВД, в ведомстве которого находились бы все фискальные сборы, равно как и все дела, относящиеся к торговле, промышленности, к земельным и имущественным спорам. Фактически, на Дону было введено большинство элементов губернского устройства [ПСЗРИ, 1830, т. XX, с. 53–55; РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 703, л. 1–2]. ЯВ, усмиренное жесткой рукой, активно преобразовывалось по образцу Донского. Практика свободного выбора старшины была окончательно отменена и у донских, и у яицких (уральских) казаков. ВЗН прекратило свое существование, его войсковые старшины репрессированы, а земли распределены между Азовской и Новороссийской губерниями.

Тогда же, в 1775 г. Г.А. Потемкиным было предпринято еще несколько шагов по упорядочению казачьих формирований на Юге, согласно его собственного видения проблемы. В частности, 25.06.1775 г. императрицей был утвержден его доклад о расформировании Азовского и Таганрогского казачьих полков (каждый по 514 чел.), учрежденных для разъездов в окрестностях крепостей, давших им названия. Поскольку личный состав полков был сплошь из командированных донцов, правительство посчитало излишним плодить и без того многочисленные иррегулярные формирования, поручив охрану дистанции собственно ВД [ПСЗРИ, 1830, т. XX, с. 170–171].

* * *

Внутренняя политика Екатерины II в 1762–1775 гг. была направлена на упорядочение социальных структур Российской империи, на приведение их в соответствие с общей логикой государственных интересов и решения текущих проблем. При этом, оформление казачества в отдельную сословную категорию происходило параллельно с аналогичными процессами в отношении других групп населения, а наступление на казачьи права не являлось самоцелью. Однако, попытки правительства провести унификацию всех сторон жизни в казачьих областях вызвали негативную реакцию их населения. Ее острота и болезненность были обусловлены тем, что у казачества имелся свой собственный социальный идеал — автономная казачья область с широкими правами.

Фактически, события 1775 г. становятся своеобразным рубежом, после которого можно говорить о решении «казачьего вопроса», хотя и в самых общих вопросах, но по наиболее принципиальным для правительства позициям. В частности, за предшествующие ему время были: 1) значительно реформированы (ЯВ и ВД) или же вообще ликвидированы (ВЗН) казачьи войска, ставшие социальной базой антиправительственных выступлений; 2) отстранены от власти и репрессированы представители войсковой старшины, не пожелавшие достичь консенсуса с управленческими структурами империи; 3) запущен процесс социального «разбора»

различных групп казачества, с последующим сохранением за ними статуса, или же, наоборот, с включением в податные категории; 4) начата масштабная практика переселения казачьих сообществ с территорий, утративших свой фронтальный характер на новые границы государства.

При этом реформы, проведенные правительством Екатерины II до 1775 г. в отношении казачества, стали лишь первым актом мер, направленных на оформление его в качестве особой сословной группы, занимавшей в социальной иерархии промежуточное положение между свободными крестьянами и дворянством. Из несомненно позитивных для, собственно, казачества последствий упомянем следующие: 1) казачьи войска наделяются правом общевоинского владения землями и свободы от повинностей при условии отбывания ими военной службы собственным коштом; 2) принадлежность к казачеству юридически прописывается как наследственная (при сохранении возможности записи в казаки для лично свободных выходцев из других сословий); 3) за заслуги на военной службе казаки получают возможность обрести дворянство (при этом принадлежность к казачеству сохраняется).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[Авдеев П.И.]. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войск. Хоз. Правления полковником П.И. Авдеевым в 1873 г. Оренбург: Тип.-лит. Н.А. Перлунова, 1904. 183 с.

Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск: Областная В. Д. Типография, 1902. II+100+VIII с.

Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. К.: Госполитиздат, 1957. 462 с.

Грибовский В.В. Граница Казахского ханства и Российской империи по р. Яик в 30–80-е гг. XVIII в. (по материалам государственного архива Астраханской области) // *Материалы международной научно-практической конференции «От Казахского ханства к независимому Казахстану» (г. Астана, 22–23 мая 2015 г.)*. Астана: Институт истории государства, 2015. С. 53–60.

Грибовский В.В. Последние «татарские набеги» 1769 // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.)* / Отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко. Д.и.н. Д.В. Сень. Ростов н/Д.: Альтаир, 2016. С. 76–82.

История донского казачества: учебник. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2008. 464 с.

Каманин И. К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого. К.: Тип. Корчак-Новицкого, 1894. 59 с.

Каппелер А. Южный и Восточный фронт России в XVI и XVIII веках // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 47–64.

Карасев А.А. Атаман Степан Данилович Ефремов (1753–1772) // *Донские областные ведомости*. 1902. 22 сентября. С. 2–3; 24 сентября. С. 2–3.

Круглова Т.А. Несостоявшаяся в 1762 г. реформа императрицы Екатерины II: историко-ведческое исследование // *Вестник Московского государственного университета*. Сер. 8. История. 2017. № 6. С. 3–30.

Курьшев А.В. Волжское казачье войско (1730–1804). Создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград: Издатель, 2011. 352 с.: ил.

Мерзликина О.Г. «Вдоль Урала берегов...». Этносоциальная история яицкого (уральского) казачества (конец XVI–вторая половина XVIII вв.). Самара: Изд-во СПГУ, 2007. 224 с.

Мильчев В.И., Сень Д.В. Процесс упразднения Войска Запорожского Низового. Амбиции казачества vs интересы империи (1740–1770-е гг.) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. Екатеринбург: УрФУ, 2018. № 2. С. 385–402.

Опись казачьих дел Московского отделения общего архива Главного штаба / Сост. есаул И.И. Дмитренко. Изд-во Воен.-учен. комитета Глав. штаба. СПб.: Тип. Штаба отд. корпуса жандармов, 1899. 4+538+50 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II-го Отд. ЕИВ Канц., 1830. Т. XVII (1765–1766). 1136 с.

ПСЗРИ. СПб.: Тип. II-го Отд. ЕИВ Канц., 1830. Т. XVIII (1767–1769). 1033 с.

ПСЗРИ. СПб.: Тип. II-го Отд. ЕИВ Канц., 1830. Т. XIX (1770–1774). 1082 с.

ПСЗРИ. СПб.: Тип. II-го Отд. ЕИВ Канц., 1830. Т. XX (1775–1780). 1034 с.

Присяга Війська Запорозького Низового 1762 року / Упорядник та передмова Іван Синяк. Чернігів: Видавець Лозовий В.М. 2015. 240 с.

Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д.: РГУ, 1961. 375 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 413.

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 505.

РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76.

РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 78.

РГАДА. Ф. 15. Оп.1. Д. 149.

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 703.

РГАДА. Ф. 20. Оп.1. Д. 54. Ч. 1.

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 228.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 501.

РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 105.

РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 220. Ч. 1.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 233.

Оп. 1. Д. 14.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13. Оп.1. Д. 100.

РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 131.

РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 141. Ч. 2.

РГВИА. Ф. 20. Оп.1/47. Д. 31.

РГВИА. Ф. 23. Оп.1/121. Д. 936.

РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 95. Ч. 3.

РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 311.

Рознер И.Г. Яик перед бурей. Восстание 1772 года на Яике – предвестник Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева. М.: Мысль, 1966. 218 с.

Савелов Л.М. Донские дворянские роды. Вып. 1. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 174 с.

Флоровский А. Депутаты войска Запорожского в Законодательной комиссии 1767 г. Одесса: «Славянская» типография Е. Хрисогелос, 1912. 51 с.

REFERENCES

[Avdeev P.I.]. *Istoricheskaya zapiska ob Orenburgskom kazach'em vojske, sostavlenная sovetnikom Vojsk. Hoz. Pravleniya polkovnikom P.I. Avdeevym v 1873 g.* [The historical review of Orenburg Cossack Host]. Orenburg: Printing house of the N.A. Perlunov], 1904. 183 p. (in Russian).

Akty, odnosyashchiesya k istorii Vojska Donskogo [Historical acts by Don Cossack Host]. [Novocherkassk: Regional printing house of the Don Host], 1902. II+100+VIII p. (in Russian).

Golobuckij V.A. *Zaporozhskoe kazachestvo* [The Zaporozhian Cossacks]. Kiev: State political publishing house], 1957. 462 p. (in Russian).

Gribovskij V.V. *Granica Kazahskogo hanstva i Rossijskoj imperii po r. Yaik v 30–80-e gg. XVIII v. (po materialam gosudarstvennogo arhiva Astrahanskoj oblasti)* [The border of the Kazakh khanate and the Russian Empire on the Yaik river in the 30–80^s of the XVIII century. (according to the state archive of the Astrakhan region)], in *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Ot Kazahskogo hanstva k nezavisimomu Kazahstanu"* [Materials of the international scientific and practical conference "From the Kazakh khanate to independent Kazakhstan"] (Astana, May 22–23, 2015). Astana: Institute of State history, 2015. Pp. 53–60 (in Russian).

Gribovskij V.V. *Poslednie "tatarskie nabegi" 1769* [The last "Tatar's raids". 1769], in *Vojna i voinskie tradicii v kul'turakh narodov Yuga Rossii (V Tokarevskie chteniya): Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Rostov-na-Donu, 6–7 maya 2016 g.)* / Otv. red. k.i.n. A.L. Bojko, d.i.n. D.V. Sen'. [War and military traditions in the cultures of the peoples of the Southern Russia (V Tokarev's readings): Papers of the all-Russian scientific and practical conference (Rostov-on-don, 6–7 may 2016) / By the editors PhD A.L. Bojko, Prof. D.V. Sen']. Rostov-on-Don: Altair Publ., 2016. Pp. 76–82 (in Russian).

Istoriya donskogo kazachestva: uchebnik [History of the Don Cossacks: textbook]. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publ. 464 p. (in Russian).

Kamanin I. *K voprosu o kazachestve do Bogdana Hmel'nickogo* [About a Cossacks before Bogdan Khmel'nicky]. Kiev: Printing house of Korchak-Novicky, 1894. 59 p. (in Russian).

Kappeler A. *Yuzhnyj i Vostochnyj frontir Rossii v XVI i XVIII vekah* [Southern and Eastern frontier of Russia in the XVI and XVIII centuries], in *Ab imperio*. 2003. № 1. Pp. 47–64 (in Russian).

Karasyov A.A. *Ataman Stepan Danilovich Efremov (1753–1772)* [Chieftain Stepan Danilovich Efremov (1753–1772)], in *Donskie oblastnye vedomosti*. 1902. 22 September. Pp. 2–3; 24 September. Pp. 2–3 (in Russian).

Kruglova T.A. *Nesostoyavshayasya v 1762 g. reforma imperatricy Ekateriny II: istochnik-ovedcheskoe issledovanie* [The failed reform of Empress Catherine II in 1762: a source study], in *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Ser. 8. Istoriya. 2017. № 6. Pp. 3–30 (in Russian).

Kuryshv A.V. *Volzhscoe kazachje vojsko (1730–1804). Sozdanie, razvitie i preobrazovanie v linejnye kazachji polka* [Volga Cossack Host (1730–1804). The creation, development and transformation into linear Cossack regiments]. Volgograd: The Publisher, 2011. 352 p.: il. (in Russian).

Merzlikina O.G. *"Vdol' Urala beregov...". Etnosocial'naya istoriya yaickogo (ural'skogo) kazachestva (konec XVI–vtoraya polovina XVIII vv.)* ["Along the banks of the Urals...". Ethnosocial history of the Yaik (Ural) Cossacks (late XVI–second half of XVIII ct.)]. Samara: Samara State pedagogical University Publ. 224 p. (in Russian).

Milchev V.I., Sen' D.V. *Process uprazhdeniya Vojska Zaporozhskogo Nizovogo. Ambicii kazachestva vs interesy imperii (1740-e–1770-e gg.)* [The process of the abolition of the Zaporozhian Host: cossack ambitions vs imperial interests (1740–1770s)], in *Quaestio Rossica*. T. 6. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2018. № 2. Pp. 385–402 (in Russian).

Opis' kazach'ih del Moskovskogo otdeleniya obshchego arhiva Glavnogo shtaba [Inventory of Cossack Affairs of the Moscow branch of the General archive of the General staff] / Sost. esaul I.I. Dmitrenko. Izd. Voen.-uchen. komiteta Glav. Shtaba [Compiled by Esaul I.I. Dmitrenko. Publication of the Military scientific Committee of the General Staff.]. St. Petersburg: Printing house of the Headquarters of the separate corps of gendarmes, 1899. 4+538+50 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI) [A Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection]. St. Petersburg: The printing house of the 2 Branch of the Office of His Imperial Majesty, 1830. T. XVII (1765–1766). 1136 p. (in Russian).

PSZRI. St. Petersburg: The printing house of the 2 Branch of the Office of His Imperial Majesty, 1830. T. XVIII (1767–1769). 1033 p. (in Russian).

PSZRI. St. Petersburg: The printing house of the 2 Branch of the Office of His Imperial Majesty, 1830. T. XIX (1770–1774). 1082 p. (in Russian).

PSZRI. St. Petersburg: The printing house of the 2 Branch of the Office of His Imperial Majesty, 1830. T. XX (1775–1780). 1034 p. (in Russian).

Prisyaga Vijs'ka Zaporoz'kogo Nizovogo 1762 roku [The Oath of Zaporozhian Cossack Host. 1762] / *Uporyadnik ta peredmovna Ivan Sinyak* [Compilation and Foreword by Ivan Sinyak]. Chernihiv: Publisher Lozovyj V.M. 240 p. (In Ukrainian&Russian).

Pronshtejn A.P. *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [The Don region in XVIII ct.]. Rostov-on-Don State University Publ. 375 p. (in Russian).

The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 6. Inv. 1. D. 413.

RGADA. F. 6. Inv. 1. D. 505.

RGADA. F. 13. Inv. 1. D. 76.

RGADA. F. 13. Inv. 1. D. 78.

RGADA. F. 15. Inv.1. D. 149.

RGADA. F. 16. Inv. 1. D. 703.

RGADA. F. 20. Inv.1. D. 54. Part. 1.

RGADA. F. 20. Inv. 1. D. 228.

RGADA. F. 248. Inv. 113. D. 501.

RGADA. F. 342. Inv. 1. D. 105.

RGADA. F. 342. Inv. 1. D. 220. Part. 1.

The Russian State Navy History Archive (RGAVMF). F. 233. Inv. 1. D. 14.

The Russian State Military History Archive (RGVIA). F. 13. Inv.1. D. 100.

RGVIA. F. 13. Inv. 1. D. 131.

RGVIA. F. 13. Inv. 1. D. 141. Part. 2.

RGVIA. F. 20. Inv. 1/47. D. 31.

RGVIA. F. 23. Inv. 1/121. D. 936.

RGVIA. F. 52. Inv. 1. D. 95. Part. 3.

RGVIA. F. 52. Inv. 1. D. 311.

Rozner I.G. *Yaik pered burej. Vosstanie 1772 goda na Yaike – predvestnik Krest'yanskoj vojny pod rukovodstvom E. Pugacheva* [The Yaik before the storm. The uprising of 1772 on the Yaik as a harbinger of the Peasant war under the leadership of E. Pugachev]. M.: Mysl' Publ., 218 p. (in Russian).

Savelov L.M. *Donskie dvoryanskije rody* [Don noble families]. Is. 1. M.: Type-lithography of the partnership I.N. Kushnerev&C°, 1902. 174 p. (in Russian).

Florovskij A. *Deputaty vojska Zaporozhskogo v Zakonodatel'noj komissii 1767 g.* [Deputies of the Zaporozhian Cossack Host in the Legislative Commission. 1767]. Odessa: "Slavic" printing house of E. Chrysogelos, 1912. 51 p. (in Russian).